

Взаимодействие клириков Гомельщины с партизанским движением в годы Великой Отечественной войны

Н.Н. КОЗЛОВА

В статье систематизированы материалы о 15 клириках, служивших в регионе в военный и послевоенный периоды, которые были связаны с партизанским движением. Показана сложность взаимодействия клириков региона с партизанами, коллаборантами, оккупантами в 1941–1945 гг. Сведения составлены на основании проанализированных архивных изысканий, сведений авторитетных российских и отечественных историков и полевых экспедиций, проведенных членами ЦИКГЕ (Церковно-исторической комиссии при Гомельской епархии).

Ключевые слова: православные клирики, Великая Отечественная война, оккупационный режим, патриотическая деятельность, партизанское движение, коллаборанты.

The article systematizes materials about the 15 clerics who served in the region during the war and post-war periods, who were connected with the guerilla movement. The complexity of interaction of the clerics of the region with partisans, collaborators and occupants in 1941–1945 is shown. The information is compiled on the basis of analyzed archival research, the information from authoritative Russian and national historians and the field expeditions conducted by the members of CHCGD (Church History Commission of the Gomel Diocese).

Keywords: orthodox clergy, The Great Patriotic War, occupational regime, patriotic activity, guerilla movement, collaborationists.

Введение. Широкая общественность Республики Беларусь недостаточно осведомлена о положении православной церкви во время Великой Отечественной войны. В 1940–1970-е гг. историки освещали преимущественно аспекты сотрудничества православного духовенства с оккупантами [1]. Для советской историографии исключением следует считать описанное участие в партизанском движении клириков, служивших в регионе в послевоенный период, В.Д. Копычко, К.П. Раина [2, с. 5–11]. В труде «Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства», изданном в 1999 г., охарактеризованы 289 работ. В нем о военных событиях на территории региона повествуется в 16 трудах, но про участие священников в войне не упоминается [3].

В 1990-е гг. появляются исследования о Второй мировой войне, созданные на базе широкого круга ранее недоступных источников, которые характеризуются плюрализмом взглядов, поиском новой научной парадигмы. В современной российской и отечественной историографии описана патриотическая деятельность Московского Патриархата [4, с. 65], [5, с. 64–78], [6, с. 299], [7], [8, с. 141–157]. Фрагментарные сведения о служении клириков Гомельщины в 1941–1945 гг. имеются в работах российских историков М.В. Шкаровского [8, с. 190–193], А.Л. Беглова и О.Ю. Васильевой [6, с. 305, 306, 308, 318]. Описывая деятельность В.Д. Копычко и К.П. Раина, даже партийные работники Пинщины в своих отчетах подтверждали, что: «священники молились за партизан... называя их борцами за свою родину, за сохранение своего народа» [8, с. 193], [9, с. 175]. (В 2018 г. о В.Д. Копычко снят документальный фильм, в котором повествуется о его пастырском служении в военный и послевоенный периоды). Глубокий и всесторонний анализ положения православной церкви в 1941–1946 гг. в нашей стране проделан С.В. Силовой [4], [5]. Она опубликовала (выявленные в АМЕУ (Архиве Минского епархиального управления)) списки 43 священнослужителей БССР, принимавших участие в освободительной борьбе белорусского народа [4, с. 94–95]. Этот список неполный, из клириков исследуемого региона в нем указаны только В.Д. Копычко, К.А. Мо(е)нько (с неточной фамилией), С.Ф. Рудько (прим. автора). Историк также описала сложную судьбу участника партизанского отряда «Звезда» (действовавшего в Гродненской области) А.И. Мисеюка, служившего в регионе в послевоенный период [4, с. 68], [5, с. 25–27]. Сведения о служении духовенства в экстремальный период содержатся в трудах Ф. Кривоноса [10, с. 19–24], А.В. Слесарева [11], Л.В. Морякова [12].

Современные историки исследуют различные аспекты религиозной жизни экстремального периода на Гомельщине. Среди них И.Ф. Эсмантович, Ю.Э. Глушаков [9, с. 86, 92, 126, 127], А.В. Слесарев [10], И.А. Грищенко [11], Л.В. Скрыбина [12], автор статьи [13]. В государственных (НАРБ, ГАГО, ГАООГО) и церковных (АМЕУ, ЦИКГЕ) архивах автором выявлены: список священников исследуемого региона, официально зарегистрированных в 1944–1945 гг., информация о контроле уполномоченными и госструктурами (не)нахождения клириков на оккупированной территории [14, с. 20–25]. Цель работы – на основании нововыявленных архивных данных и материалов полевых экспедиций систематизировать сведения о взаимодействии священнослужителей исследуемого региона с партизанским движением. Более подробная историография изучаемого вопроса, дополненные сведения о количестве «молитвенных зданий, действующих в оккупационный период» (102 единицы) и список 72 служивших клириков, опубликованы ранее [14, с. 23–25].

Основная часть. Деятельность складывающегося епархиального управления страны в 1941–1943 гг. была политизирована, находилась под строгим контролем со стороны Генерального Комиссариата. В военный период клирикам приходилось делать выбор, на чью сторону становиться: либо Московского Патриархата, либо белорусских коллаборантов и оккупационной власти. С 1941 г. православные священнослужители вынуждены были общаться с нацистами, постоянно отмечаться в комендатуре, составлять клировые ведомости, подавать сведения о состоянии молитвенных зданий [4], [5], [8], [9], [10], [11], [12].

Патриотически настроенные клирики пользовались авторитетом среди белорусского населения. Согласно материалам полевых экспедиций священник Алексей Дмитриевич *Валяев* (служивший в селе Шихово Стрешинского района) не запятнал честь сотрудничеством с фашистами. Они узнали о его связях с партизанами, ему угрожал арест. Поэтому он ушел в партизанский отряд и оставался там до прихода советских войск [15], [16, л. 3]. Респонденты свидетельствуют, что был связан с партизанами и подпольщиками 55-летний священник *Михаил* (фамилия его ими забыта), служивший в с. Уть Добрушского района, который остался в памяти народа как добрый, трудолюбивый пастырь, обладающий звонким, красивым голосом. Члены ЦИКГЕ предполагают, что это мог быть Михаил Андреевич Корнадудов, т. к. он возглавлял Тереховский округ церковью Гомельского благочиния [15]. Священник *Василий Шекунов* из села Пиревичи Жлобинского района организовывал сбор средств и продуктов для детского дома [5, с. 22–23], был связан с партизанами. Сотрудники ЦИКГЕ и родственники священника восстанавливают его биографию, ухаживают за могилами семьи Шекуновых, похороненных на территории Пиревичской церкви, что свидетельствует об особом уважении односельчан к этой семье [14, с. 23], [15].

Согласно отчетам уполномоченного Е.Ф. Цуканова: «священники *И.В. Пищиков* и *И.Н. Колесников* не только оказывали материальное содействие партизанам... они постоянно говорили народу, что Советская власть вернется и нельзя слушать немецких прихлебателей» [17, л. 4, 16, 21], [18, л. 101]. В архивах засвидетельствовано взаимодействие с партизанами *С.И. Пшенко* [17, л. 10] и *Н.Е. Сонова* [19, л. 27]. Являлся связным партизанского отряда *А.Г. Прищепов* [11, с. 166], [16, л. 4], а рогачевский благочинный *А.М. Хведосюк* оказывал материальную поддержку для закупки медикаментов партизанам [16, л. 2 и об.], [11, с. 108].

Идеологи фашизма утверждали, что белорусы – самые безобидные из славян. Развернувшееся партизанское движение доказало обратное. Отметим, что к концу 1943 г. партизаны контролировали 60 % оккупированной территории страны, которую по праву называли «партизанской республикой». Материалы полевых экспедиций ЦИКГЕ подтверждают региональными примерами сведения М.В. Шкаровского [9, с. 155–160] о том, что в некоторых отрядах партизаны очень осторожно относились к клирикам, коль те общались с оккупантами [4, с. 64–78], [15], [20, с. 160–165]. Такие отряды располагались в регионе близ сел Пиревичи Жлобинского, Довск Рогачевского, Болотня Журавичского районов. В других отрядах партизаны старались подчеркнуть терпимое отношение к церкви. Эти отряды располагались близ сел Свиридовичи Речицкого, Гадиловичи и Близнецы Рогачевского районов [15], [20, с. 151–52].

Находясь в партизанской зоне, православный священник не мог не встречаться с партизанами. Для священников достаточно частым явлением было посещение их и партизанами, и полицией; причем в любое время суток. Это подтверждают нововыявленные рукописные письма иеромонаха *Ефросина (Щемелева)*, который оказывал содействие партизанам

[17, л. 25], [21, л. 6]. Он уверял, что после того, как клирики и прихожане оказывали помощь партизанам, фашисты ужесточали условия оккупационного режима: увеличивалось количество допросов клириков, издевательства над мирными жителями [15], [22, л. 29 и об.]. Эту информацию подтверждают сведения *Тихона Марковича Джасова*, который «летом 1942 г. скрывался в лесах, был связан с партизанами... не хотел быть под оккупантами» [23, л. 57].

Был связан с партизанами *Леонтий Барсук*, священник Свиридовичской церкви Речицкого района [17, л. 25]. По преданию, которое передается из поколения в поколение, он фактически спас родную деревню от уничтожения. О. Леонтий предотвратил подготовленную карательную операцию для уничтожения взрослого населения деревни, которое оказывало содействие партизанам, которые в 1942–1943 гг. плотно дислоцировались в близлежащих лесах. Офицер, возглавлявший операцию, был осведомлен об уважении и доверии, которым пользовался «батюшка Леон» среди односельчан, и был уверен в том, что он, будучи истинным православным клириком, не сможет солгать. Приехав в Свиридовичи, нацисты сразу же пошли в дом Леонтия Барсука. Жители устроили захватчикам пышный прием. Они не просто приготовили богатое угощение, но и накрыли столы белыми скатертями. Офицер несколько раз задал вопрос о том, есть ли в лесах партизаны. Священник отрицал наличие партизан и вынужден был солгать и даже поклясться на кресте во имя спасения односельчан. По преданию, затем долго молился за данное преступление. Но, офицер поверил ему, карательная экспедиция была отменена и жители деревни были спасены (в отличие от многих сожженных белорусских деревень). Согласно материалам полевых экспедиций: «батюшка Леон был добрый, чуткий клирик, с удивительным чувством юмора». Об этом свидетельствуют Каленик Анна Андреевна, 1939 г.р.; Кравченко Анна Васильевна, 1930 г.р.; Александра Ивановна Хвостова, 1939 г.р.; проживавшие в деревнях Речицкого района в 1950–1980-е гг. [15].

Неоднозначна информация о контактах с партизанами протоиерея Феодора (*Рафановича*; 1888–1975). Согласно сведениям респондентов, старожилов населенных пунктов Довск и Хмеленец Рогачевского района, Федора Петровича Клинтухова, 1936 г.р.; Ирины Олеговны Клинтуховой, 1939 г.р., и Надежды Семеновны Числовой, 1938 г.р. (переданных их родителями) он оказывал всяческое содействие партизанам [15]. Но члены келейной обители, объединенной о. Федором и его дочерью Параскевой (Натальей Рафанович) утверждают, что проповеди, обличающие гонения на церковь в межвоенный период, и его стойкая приверженность к ИПЦ, не всегда одобрялись партизанами [15], [20, с. 54–77]. Данные примеры подтверждают версии М.В. Шкаровского и С.В. Силовой о том, что партизаны строго следили за тем, чтобы в проповедях священников не было высказываний против Советской власти [9, с. 155–158], [4, с. 65–68], [15].

Контакты духовенства и партизан строго контролировались нацистами. Клирики, которые стремились содействовать партизанскому движению, подвергались репрессиям со стороны оккупационных властей. Зная о контактах священнослужителей с прихожанами через исповедь, оккупанты привлекали их к контролю за населением [5, с. 22–23]. Иногда они ставляли доносить на население певчих и церковных старост [15]. С февраля 1943 г. священники были обязаны подавать письменные отчеты о встречах с партизанами оккупационным властям. Нацистов интересовало: верит ли народ агитационным сообщениям об изменении церковной политики большевиков и как он на эти сообщения реагирует. С 1943 г., учитывая изменения политики со стороны Советского государства по отношению к православной церкви, ряд командиров отрядов в партизанских зонах поощряли открытие церквей. Они приглашали священников для проведения служб, разрешали ставить придорожные кресты. Делали они это, прежде всего, в пропагандистских целях, чтобы показать лояльность по отношению к церкви со стороны органов Советской власти. Они хотели еще раз доказать местному населению, что вступление в партизанские отряды не оторвет их от религии [3, с. 65].

Протоиерей *Александр Николаевич Дзичковский* (1905–1982 гг.), рискуя жизнью, спас от расстрела местного крестьянина, подозреваемого в связях с партизанами. Он отвел оружие в сторону в ту секунду, когда немецкий офицер уже нажал на спусковой курок. За такую дерзость его самого могли тут же расстрелять, но он попросил разрешения обратиться к Господу. Священник, опустившись на колени, начал молиться. Искренняя молитва произвела на фашистов сильное впечатление. Более того, отец Александр поручился за многодетного кре-

стьянина. Спас о. Александр от смерти и одну пожилую еврейку, которую до прихода советских войск прятал в своем сарае [15]. Во Всехсвятской церкви с. Пиревичи Жлобинского района он служил с 1959 по 1965 гг. Это был очень добрый, требовательный пастырь, который воспитывал своих детей по законам христианской этики. Вместе с матушкой Феодорой отец Александр воспитал десять детей, пятеро сыновей стали священниками и посвятили свою жизнь служению Богу и людям. Старший Геннадий был настоятелем кафедрального Свято-Духова собора Минска. Посвятили свою жизнь церкви и дочери. Одна из них – Лариса Александровна, жена гомельского священника Феодора Харика, вела своеобразную летопись рода. Духовный путь избрали не только его сыновья, невестки, внуки.

Согласно воспоминаниям уроженца д. Довск Рогачевского района Е.А. Козловского, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, доктора технических наук: «сельчане помнят о том, как *Артемий (Потоцкий)* спасал от оккупантов людей... помогал партизанам... наша семья никогда не забудет... о том, как в ноябре 1941 г. меня и сестру в родном селе крестил батюшка Артемий» [24, с. 5].

По причине фрагментарности выявленных данных сложно составить точную и объективную картину нижеизложенных инцидентов, но они представляют определенный интерес. Так, «учитель Белицкий из Кормянского района, служивший в оккупационный период в нескольких церквях... был якобы награжден за привод немецких солдат к партизанам... однако был разоблачен и уволен из школы за данное вранье» [18, л. 25]. Следовательно, данные о связях с партизанами серьезно и тщательно проверялись госструктурами. Нововыявленные архивные данные о служении Бея(и)цкого в 1941–1947 гг. противоречивы; автор статьи воссоздает его биографию [15], [25, л. 13]. Следовательно, члены ЦИКГЕ стремятся сопоставлять данные авторитетных историков, результаты полевых экспедиций и архивные источники для воссоздания объективной картины религиозной жизни в военный период.

Заключение. Великая Отечественная война показала духовную силу многих верующих и клириков. Патриотизм православного духовенства и мирян оказался сильнее обид и ненависти, вызванных долгими годами гонений на религию. Многие священнослужители не отделяли свою жизнь от жизни страны, за что пользовались уважением среди населения. Причины, побудившие православное духовенство помогать партизанам и подпольщикам, были вызваны не столько прямыми указаниями Московского Патриархата, сколько морально-нравственными качествами священнослужителей [4, с. 67]. Но многие источники по истории православной церкви Беларуси в оккупационный период не введены в научный оборот, т. к. многие документы из фондов КГБ Республики Беларусь недоступны для исследователей. Поэтому ЦИКГЕ продолжает работу в данном направлении. Автор статьи полагает, что необходимо объединение изучения двух направлений, ранее развивавшихся обособленно: положение социума в военный период и генезис РПЦ и религиозных отношений в годы Великой Отечественной войны. До настоящего времени также не изучены следующие проблемы: состав и конфессиональная принадлежность клириков, служивших в оккупационный период; (пере)рукоположения в период Великой Отечественной войны представителями различных церковных юрисдикций и каноничность принятия сана [26, с. 27–46]. Необходимо четко определить группы, на которые разделился клир в годы Великой Отечественной войны. Региональное исследование этой темы обусловлено необходимостью восстановить историческую справедливость по отношению к прошлому церкви, ведь неизучение истории церкви равнозначно замалчиванию истории самого народа. Исследование указанных проблем будет способствовать созданию объективной оценки положения православной церкви в экстремальный период.

Литература

1. Документы обличают : реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии / Ин-т искусствознания, этнографии и фольклора, Архив. упр. при Совете Министров БССР, Центр. гос. ист. архив БССР в г. Могилеве. – Минск : Беларусь, 1964. – 270 с.
2. Партизанский Акафист // Слово. – 1989. – № 11. – С. 5–11.

3. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны : праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства / А. М. Літвін [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1999. – 253 с.
4. Силова, С. В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / С. В. Силова. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 105 с.
5. Силова, С. В. Крестный путь : Белорусская Православная Церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С. В. Силова. – Минск : Беларус. Экзархат, 2005. – 70 с.
6. Русская православная церковь. XX век : хроника / А. Л. Беглов, О. Ю. Васильева, А. В. Журавский [и др.] ; гл. ред. и рук. проекта архим. Тихон (Шевкунов). – М., 2008. – 793 с.
7. Кривонос, Ф. Священная война и великая Победа. Историософский взгляд / прот. Ф. Кривонос // Планета – семья. – 2020. – № 2. – С. 3–7.
8. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М. : Лепта, 2010. – 478 с.
9. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) / М. В. Шкаровский. – М., 2000. – 400 с.
10. Кривонос, Ф. Незабвенный Пастырь. Преподобномученик Серафим (Шахмуть) / Ф. Кривонос. – Минск : Врата, 2016. – 49 с.
11. Слесарев, А. В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953) : биографический справочник / А. В. Слесарев. – Минск : Издательство Минской Духовной Академии, 2017. – 339 с.
12. Маракоў, Л. У. Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнныя і царкоўнаслужыцелі Беларусі. 1917–1967 : энцыкл. давед. : у 2 т. / Л. У. Маракоў. – Мінск : Беларус. Экзархат, 2007. – Т. 2. – 648 с.
13. Гомельшчына ў Вялікай Айчыннай вайне : да 60-годдзя Вялікай Перамогі : матэрыялы навук.-практ. канф., Гомель, 7–8 крас. 2005 г. / ГДУ імя Ф. Скарыны, Гомел. абл. арг-цыя Белар. грамад. аб'яднання ветэранаў, Гомел. спецыяліз. славян. б-ка ; рэдкал.: М. М. Мязга [і інш.]. – Гомель, 2005. – 279 с.
14. Козлова, Н. Н. Об особенностях восстановления церковной жизни на Гомельщине в 1941–43 гг. / Н. Н. Козлова // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2019. – № 1. – С. 20–25.
15. Текущий архив ЦИКГЕ (Церковно-Исторической Комиссии при Гомельской Епархии).
16. Государственный Архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 42. 42 л.
17. ГАГО. – Ф. 3441. Оп. 1. Д. 9. 35 л.
18. ГАГО. – Ф. 3441. Оп. 3. Д. 44. 170 л.
19. ГАГО. – Ф. 3441. Оп. 1. Д. 1. 52 л.
20. Патапаў, А. Ф. Вытокі станаўлення праваслаўя і іншых рэлігійных абшчын на Рагачоўшчыне / А. Ф. Патапаў. – Мінск : Выд-ва «Печанка», 2012. – 187 с.
21. Архив Минского Епархиального Управления (АМЕУ). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 1050. 39 л.
22. АМЕУ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. 102 л.
23. НАРБ. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 11. 212 л.
24. Козловский, Е. А. «Белорус – это русский со знаком качества!» : беседа с д-ром техн. наук, проф., акад. Е. А. Козловским / Е. А. Козловский ; беседовала Л. Навменова // Гомельская праўда. – 2008. – 27 лістап. – С. 5.
25. АМЕУ. – Ф. 1. Оп. 2. Д. 1013. 63 л.
26. Козлова, Н. Н. История Гомельской епархии в 1941–1965 годы / Н. Н. Козлова. – Гомель : Ред. газ. «Гомельская праўда», 2022. – 212 с.